

сила, и о немъ упоминается въ разсказѣ „Что я видѣлъ во снѣ:“ такъ хорошо и чисто было все между Лизой и студентомъ-шведомъ, пока изъ-за улыбокъ и взглядовъ не „выступилъ дьяволъ, въ одно и то же время схватившій ихъ“. Когда Иртеневъ, самъ не зная какъ, вдругъ сказалъ Степанидѣ: „приходи въ шалашъ“, то это „точно кто-то другой изъ него сказалъ эти слова“; этотъ другой и былъ дьяволъ, тотъ самый „субъектъ“, который, по словамъ Прохожаго („Отъ ней всѣ качества“), въ опьянѣннн разсудка лишается и поступки совсѣмъ несоотвѣтствующіе производить. Но, къ счастью, у Толстого дьяволъ не дидактиченъ, онъ — живой, естественный; и дѣйствительно, идетъ на насъ что-то нарастающее, неминуемое, грозное, — фатумъ во образѣ этой молодой бабы въ красной паневѣ. Ея ласкающій обликъ принялъ на себя дьяволъ; ея смѣющееся лицо избрала своей личиною трагедія; недаромъ, когда она, Степанида, дожидалась въ рошѣ Иртенева, она кусала листья, она все переломала, — черемуху, орѣшень, даже молодой кле-ножь, — даже его самого, Иртенева, даже самое себя, въ концѣ концовъ, сломала она. Правда, можно оспаривать внутреннюю необходимость обоихъ финаловъ „Дьявола“ — и самоубійства, и убійства; но самое навожденіе, глухая работа нечистой силы, изображено съ такой гнетущей убѣдительно-стью... И, повторяю, счастливо то, что толстовскій дьяволъ не поучителенъ: ему противопоста-